

ФИЛОСОФСКИЙ РЕТРИТ КАК ФОРМА ФИЛОСОФСКОГО ВОПРОШАНИЯ¹

Р.В. Пеннер

В статье раскрывается суть ретрита как особой формы затворнической деятельности в XXI в., позволяющей человеку углубиться в себя и через призму своей глубины осмыслить внешний мир. Обосновывается специфика философского ретрита. Раскрывается зарубежный и отечественный опыт организации и проведения философских ретритов.

Ключевые слова: ретрит, философский ретрит, философская практика, философское консультирование.

Ретрит: этимологический ракурс и историческая справка

Понятие ретрит имеет англоязычные корни. Переводы на русский язык колеблются между несколькими смысловыми центрами: уединение, удаление, затвор и отступление. Фундаментом, объединяющим эти смыслы, является затворническая деятельность. Это удаление и отступление от принятой за норму формы повседневного бытия, от шумов, существующих вовне и внутри человека.

Ретрит – это форма духовной практики (или духовных практик), зародившаяся в лоне мировых религий (буддизм, некоторые ветви христианства, ислам). Обозначенные практики ретрита непосредственно связаны с духовной и физической аскезой. Но религиозные духовные практики не тождественны современному ретритному формату или, по крайней мере, тому пониманию ретрита, что распространено в среде широкой аудитории сегодня.

Ретрит сегодня есть трендовое направление, нацеленное на восстановление жизненных сил (или жизненной энергии) человека, полностью выходящего на работе и (или) в семье. Ретрит – это особая форма отдыха,

¹ *Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011.*

когда вместо реального отдыха участнику ретрита предлагается интенсивная работа над собой; такая работа, что не может быть реализована в ситуации повседневности, в том числе тишина и религиозная аскеза, глубинная медитация, массивная физическая нагрузка или интенсивное общение.

Местом проведения ретрита, как правило, выступают уединенные места, далекие (или удаленные) от цивилизации. Исторически это связано с тем, что прототипом ретритных центров были (и остаются) монастыри, принимающие послушников и наблюдателей, сохранявших свое положение между миром и монастырем. Более того, некоторые католические и буддистские монастыри являются сегодня мировыми ретритными центрами.

В философскую область именно ретритная практика пришла сравнительно недавно. Однако у нее, как и у многого из того, что зародилось и существует в философии, есть свои корни. Прежде всего здесь следует отметить аскетизм ретритной деятельности. Некоторые философские школы древности образовывались и развивались в шумных городских конгломератах, привлекая и удивляя толпу; другие же – дистанцировались от городского шума и люда, продуцирующего этот шум и бытийствующего в нем. Ярким примером тому служит пифагорейская школа, что прославилась духовными упражнениями (перенятыми от орфиков) и внешним видом (длинными тогами), принципиально отличавшим их от иных горожан.

В XIX в. подобия ретритов организовывал в своем загородном доме немецкий философ Л. Нельсон. Сегодня его имя неразрывно связано с методой философской практики – сократическим диалогом [8]. Л. Нельсон собирал у себя на каникулах заинтересованных студентов и с ними занимался разработкой логических упражнений, направленных на преодоление смысловых лакун в повседневной речи.

Сегодня ретрит является распространенным форматом в философской практике; разные ее направления (от философского консультирования до глубинной философии) обращаются к практике отступления от повседневности с целью разрешения конкретных проблем участников ретрита (problem-solving approach) или внутренней их трансформации, трансцендирования (transformational approach).

Ретрит и вопрошание: точки соприкосновения

Разграничим понятия ретрита и отпуска. Ретрит – это тоже отпуск, но принципиально особая его форма. Связующей их нитью становится отдых от повседневности. В обоих случаях с целью отдохновения от повседневности человек отходит (уходит) от норм своего бытия. Вместе с тем, отпуск есть «чистый» отдых, а ретрит – интенсивная работа, что сопровождается внутренним и внешним вопрошанием участника ретрита.

Ретрит начинается (или должен начинаться) с вопроса (или духовного запроса) ищущего. Это не случайное, но целенаправленное его движение. С целью нахождения ответов на свой вопрос ищущий встает на путь исти-

ны, обнаружение которой является для него принципиальным. Роднит ретрит с философским вопрошанием несколько оснований.

Во-первых, вопросы задаются на смысложизненную тематику: важно не то, как бросить курить, а какие ценности лежат в *моем* поведении, и как я реализую эти ценности.

Во-вторых, самоценно само вопрошание как нахождение между (знанием и незнанием), «нахождение в пути» (К. Ясперс).

Наконец, ищущий находится в самостоятельном (свободном и ответственном) поиске ответов; это не работа с готовыми шаблонами, а поиск своих ответов на вечные вопросы.

Ретрит – это глубокая духовная работа человека с самим собой; это погружение вовнутрь ради разрешения чего-то внешнего; это пробуждение вопросов внутри себя и реализация практики вопрошания. Дело в том, что в режиме повседневности взрослый человек не задает вопросы, он дает ответы. Внешние социальные нормативы «отключают» в нем режим «почемучки» уже в школе. Сложившейся системе социальных институтов не нужен тот, кто непрерывно задает вопросы и не удовлетворяется полученными ответами; им нужен «молчаливый» функционер системы. Вместе с тем, «корка» нормативности время от времени трескается от внутренних экзистенциальных проблем (или кризисов), «выплескивающихся» изнутри или проникающих снаружи (пограничные ситуации) и трансформирующих внутренний мир человека.

Причем, в ретрите реализуется своеобразная форма молчаливого вопрошания. Это не работа гуру со своими учениками; это совместная мыслительная активность партнеров в духовных упражнениях. Также и в философии, мыслитель не диктует готовые формулы своим слушателям; это Сократ, что майевтикой вскрывает корку застывших мнений тех, кто попались на крючок его вопрошания, кто стали родителями истины.

Особую роль в ретрите и в вопрошании играет фасилитатор (facilitator). Это не духовный лидер и не гуру, но тот, кто уже стоит между и готов направить других на этот путь. Это как погружение на морское дно или движение в глубь пещеры. У каждого погружающегося или движущегося свой путь, свои инсайты и трансформация; фасилитатор, в свою очередь, освещает этот путь, просвещая возможные тропы и узкие проходы. Фасилитатор не есть водитель, он проводник; участник ретрита, вопрошая, самостоятельно прокладывает свой путь.

Философский ретрит: зарубежный и российский опыт

Несмотря на то, что философская практика как самостоятельное движение существует более сорока лет, практика ретритов распространилась и укрепилась в ней только в начале XXI в. Даже сегодня ретрит не является наиболее распространенной формой практического философствования и проигрывает в популярности индивидуальной и групповой формам работы, в том числе философскому консультированию и философскому кафе.

Вместе с тем ретрит – это яркое направление философской практики, принципиально отличающее ее от академической философии по причине того, что в ретритной форме работы происходит не передача знаний или обмен мнениями, но погружение в глубины *я* с философом-проводником.

Следует отметить, что не все именитые фигуры из области философской практики практикуют работу в ретритной форме. К примеру, основатель философской практики Г. Ахенбах (Германия) отсутствию цивилизации предпочитает комфортабельные кабинеты, а Л. Амир (Израиль) – академические аудитории. В свою очередь, иные яркие фигуры, Р. Лахав (США) и О. Бренифье (Франция), максимально дистанцируются от академических залов и шумных городов и из года в год приглашают старых друзей и новых партнеров в стоящие в стороне от мегаполисов места: О. Бренифье – деревня La Chapelle Saint André, что недалеко от г. Везле, Центральная Франция – уже 13 лет подряд собирает в своем загородном доме представителей со всех семи континентов, желающих стать философами-консультантами; Р. Лахав в течение последних десяти лет проводит ежегодные ретриты в Италии, преимущественно в области Пьемонта, Северная Италия. Некоторые из ретритов по философской практике открыты и организуются для широкой аудитории (философское консультирование, созерцательная философия); другие – закрыты, их целевой аудиторией выступает узкая группа философов (например, ретрит Глубинной философии). Несмотря на различия в искомой аудитории и форматах проведения, ретриты по философской практике нацелены на трансформацию участников, внешнюю (профессиональную) или внутреннюю (экзистенциальную, трансцендентальную).

Интересно еще и то, что иная знаковая фигура в философской практике, Л. Маринофф, участвует в ретритах не как фасилитатор, но как «рядовой» участник (например, ретрит, инициированный тибетскими монахами дзен-буддистами) [7, с. 333]. По Л. Мариноффу, в основе концептуального познания, формирования «правильных» мировоззрения и мироощущения лежит осмысление дхармы. Причем, даже не все буддисты готовы встать на этот путь. В свою очередь подобная духовная практика формирует потенциал философа-практика, позволяющий ему «светить» Другому. Л. Маринофф является не единственным философом, приобретшим столь глубокий духовный опыт, но он один из немногих, кто произвел феноменологическую редукцию практик своего бытия и поделился с широкой аудиторией своими выводами.

Иная ситуация в отношении ретритов сегодня в России. Академическая философия в России с ее традицией конференций, круглых столов и дебатов «застряла» в официальных формах существования философского знания. Вместе с тем ретритная деятельность в России связана, прежде всего, с так называемыми альтернативными формами духовных и физических практик. Это медитативные и йогические ретриты, вышедшие из *under-*

ground и закрепляющиеся в main stream. Однако практика философских ретритов проникает и в Россию. Например, в 2012 г. Л.Т. Ретюнских на базе межрегиональной детской общественной организации «Философия – Детям» (Москва) организовала первый в России философский летний лагерь, который в течение 20 дней работал по программе «Территория мысли»; цель лагеря была заявлена как возможность учителя развиваться (творчество и мировоззрение) вместе с ребенком. С 2010 г. А.И. Макаров и его сторонники из лектория «Интеллектуальные среды» (Волгоград) проводят летнюю школу в Крыму, в рамках работы которой молодые ученые, студенты и аспиранты приобретают навыки ведения лекций. Наконец, в 2017 г. кафедра философии ЮУрГУ (Челябинск) совместно с кафедрой философии и культурологии ЮУрГГПУ (Челябинск) собрала философов из разных городов России и зарубежья на выездном методологическом семинаре; в ноябре этого же года усилиями той же команды был собран первый в России ретрит по созерцательным практикам (философское партнерство) и глубинной философии, на котором в роли фасилитатора выступил Р. Лахав (США).

В целом, российский и зарубежный опыт демонстрирует увеличение интереса к философскому ретриту и рост его популярности в среде узкой (философы-практики) и широкой (студенты, интеллигенция) аудиторий, обращение к ретритной активности представителей академической философии.

Будущее философского ретрита, или Вместо заключения

В этом пункте следует задаться вопросом, есть ли у философского ретрита будущее, и если есть, то каково оно. Время показало, что именно созерцательная философия как вдумчивое наблюдение за миром и глубокое осмысление внешнего и внутреннего гармонично вписывается в формат философского ретрита. Более того, подобный резонанс можно наблюдать и в отношении обучающих практик, направленных на развитие мышления вообще или конкретных навыков в частности.

Обращаясь к истории философии, можно заметить, что формы существования и трансляции философского знания изменялись с развитием истории. От споров на афинской площади и дебатов в стенах монастырей до бесед в аристократических салонах и лекций в университетских аудиториях.

Философский ретрит – это улавливание чего-то актуального, модного. И вместе с тем это «реанимация» забытых традиций, связанных с философской аскезой и затворническими практиками.

Философский ретрит, в противоположность духовному номадизму, есть попытка укоренения человека (М. Хайдеггер); это остановка и обнаружения себя (очищенного от «шелухи» повседневности). Это противостояние вечной проблеме того, что «люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает» [6]. Это возможность человека собрать свое я; не приобретение им новой потехи, но реализация экзистенциальной полноты.

Библиографический список

1. Ахенбах, Г.Б. Основное правило философской практики / Г.Б. Ахенбах // Социум и власть. – 2016. – № 6 (62). – С. 99–106.
2. Борисов, С.В. Что такое «философское партнерство» и как его практиковать / С.В. Борисов // Социум и власть. – 2017. – № 2 (64). – С. 123–129.
3. Бренифье, О. Искусство философской практики: философские установки / О. Бренифье // Социум и власть. – 2018. – № 1 (69). – С. 80–87.
4. Дыдров, А.А. Синергия, гуманитаризация и футуризация как условие функционирования интерпретационной машины / А.А. Дыдров // Социум и власть. – 2017. – № 2 (64). – С. 96–100.
5. Лахав, Р. Философская практика – Quo Vadis? / Р. Лахав // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 7–14.
6. Паскаль, Б. Мысли [Электронный ресурс] / Б. Паскаль. – URL: http://imwerden.de/pdf/paskal_mysli_perevod_ginzburg_1995_text.pdf.
7. Marinoff L. Handbook of Philosophical Practice // NY: Elsevier, 2001. – 411 p.
8. Socratic Dialogue. – URL: <http://www.society-for-philosophy-in-practice.org/index.php/key-concepts/sd-description>.

[К содержанию](#)